

По дороге возникли пробки. Они только вернулись домой и не успели войти в дверь, как позвонил Тань Чуншань.

— Тань Юмин, что за новости про семью Цзэн?

— А? — Из-за беззвучного режима в музее они пропустили бурю, бушевавшую в городе. Подавленный голос Тань Чуншаня, требующего объяснений, вырвал их из уютного семейного времяпрепровождения.

Тань Юмин переглянулся с Шэнь Цзуннянем:

— Газеты уже выпустили статью?

Тань Чуншань усмехнулся от злости:

— Ты ещё и спрашиваешь?

Судя по всему, он стоял на террасе во время банкета. Издалека доносилась игра на скрипке, смешиваясь с шумом ветра. Голос Тань Чуншаня был негромким, но властным. Даже Тань Долэ прониклась его суровостью через телефон. Она, как сообразительная девочка, первой достала свой детский смартфон и начала внимательно изучать скандальные статьи о биологическом отце.

«Пивной живот и бикини: глава семьи Цзэн сорит деньгами, собирая дикие цветы», «За один день побывал в трёх местах с пятью женщинами, оштрафован за пьяное домогательство на улице». К статьям прилагались фотографии: растрёпанный Цзэн Шаохуэй прячется от камер, с красным лицом кричит на папарацци и выглядит жалким в своей панике.

Тань Юмин мельком глянул на экран и остался не слишком доволен:

— Как-то слишком мягко. Главред «Вечерних новостей Хуаду» способен на большее. Видимо, всё-таки сжалился.

Тань Чуншань сухо ответил:

— Мне тебя ещё похвалить?

Тань Юмин прислонился к невысокому шкафчику из наньму, вытянув длинные ноги в беззаботной позе:

— Сделал ошибку — не бойся, что о тебе заговорят.

— Говори со мной нормально, — прикрикнул на него Тань Чуншань. — Ты вдруг выкидываешь такое. Подумал ли ты о том, как отреагирует ребёнок, если увидит всё это?

Тань Юмин наклонил голову, глядя на племянницу:

— Да она тут сплетни за обе щёки уплетает. — Тань Долэ уткнулась в телефон, читая по диагонали, словно маленький барсук на дынном поле.

— К тому же, — Тань Юмин никогда не состоял в отношениях, но поучать о воспитании был горазд, — к реальности нужно приучать с пелёнок. Как она сможет быть ребёнком из семьи Тань без такой стрессоустойчивости?

— По-моему... Когда фиговый листок сорван, тяжело это принять вовсе не ей.

— Что за бред? Не дури. Хочешь быть героем и восстанавливать справедливость — никто не мешает. Но ты можешь хотя бы выбирать время и место?

На сегодняшнем банкете собрались все знаменитости, старые друзья семьи и деловые партнёры. Тань Чуншань и Гуань Кэчжи только-только чокнулись бокалами с главой семьи Цзэн, как в следующую же секунду грянула эта новость, подобно разорвавшейся бомбе.

В банкетном зале мгновенно поднялась скрытая волна шепотков. Внешне все оставались невозмутимы, но на деле уже прослышали об этом. Это был грандиозный скандал. Семьи Тань и Цзэн стояли с бокалами и молча смотрели друг на друга в крайне неловкой ситуации.

— Нашёл же время! Мы вот-вот запустим несколько совместных проектов. Церемония открытия Морской выставки уже в следующем месяце. Ты — главный организатор, он — соорганизатор.

— Это решение обсуждалось в «Пинхай»? Комитет семейного инвестиционного фонда голосовал по нему? С членами семьи советовались?

— Ты не сказал никому. Даже мне с матерью ни словечка не проронил. Акции совместных проектов теперь скачут. Что подумают партнёры? Что докладывать на собрании акционеров? Скоро Фестиваль голодных духов. Что мы скажем родственникам, когда они начнут задавать вопросы?

— Тань Юмин, ты уже несколько лет во главе. Неужели мне нужно учить тебя, что одно движение тянет за собой всё остальное, что нужно смотреть на перспективу и действовать обдуманно?

Тань Чуншань всегда баловал сына и редко говорил с ним так жёстко. Тань Юмин отбросил свою легкомысленную позу, выпрямился и серьёзно произнёс:

— Папа, почему ты решил, что я действовал на эмоциях?

Тань Чуншань замолчал.

Тань Юмин держался с достоинством и не собирался отступить:

— Во-первых, слитая информация касается личной жизни Цзэн Шаохуэя. В худшем случае — это семейные дела. Я не считаю нужным выносить это на уровень совещаний компании и привлекать посторонних.

— Если бы я заранее сказал вам с мамой, вы бы позволили мне это сделать? Если бы Комитет фонда анализировал решение, а члены семьи голосовали, разве этот план прошёл бы?

Он говорил спокойно и уверенно:

— Мы оба прекрасно знаем, что это было бы абсолютно невозможно.

Тань Юйлинь стала бы просто очередной жертвой во имя интересов семьи и минимизации рисков.

В богатых и влиятельных семьях есть место теплоте, но в то же время бал правит холодный расчёт.

Каждого в этой семье с детства учили, что интересы клана превыше всего. Какие блага ты получил — такую ответственность и должен нести. Какую любовь тебе дарили — такие надежды ты и обязан оправдать.

Семейное тепло — это лишь украшение, а фундамент — это выгода.

Любая личная ценность и индивидуальное счастье — это лишь ветви и листья на многовековом древе славы. Процветание семьи, сохранение её власти и богатства — это основа и гарантия. Только под защитой клана возможно всё остальное.

Тань Чуншань произнёс:

— Так ты всё-таки это понимаешь.

— Конечно понимаю. — Тань Юмин не брался судить о правильности этих законов. Знать из поколения в поколение процветала именно благодаря им. Но у него была своя теория. — Я не собираюсь их разрушать. Я хочу научно их модернизировать.

— ... — Тань Чуншань хотел снова отругать его, но Тань Юмин перебил: — Падение акций в совместных проектах — это временное явление. Даже мирный развод вызвал бы колебания рыночной стоимости.

Раз уж он решился на это, то, естественно, продумал все последствия:

— Я прямо срываю эту ширму. Кто прав, а кто виноват — теперь ясно как день. Никто не будет гадать, на ком лежит вина. СМИ не смогут нажиться на слухах. И главное — это превентивный удар. Семья Цзэн не сможет пустить пыль в глаза, устроить разборки или свалить всё на нас.

— Семья Тань занимает высокое моральное положение, и цены на акции скоро восстановятся и стабилизируются. А вот общественное мнение заставит семью Цзэн откеститься от Цзэн Шаохуэя.

— Без защиты и поддержки семьи Цзэн, Цзэн Шаохуэй — пустое место!

Тань Юмин не зря был частым героем бульварной прессы. Он ловко сыграл чужими руками:

— Они посмели так поступить с членом семьи Тань, а потом ещё и ждали, что я помогу скрыть их грязные дела? Это уже слишком. Кто совершил ошибку, тот и несёт наказание.

— Думали, что можно накосячить и просто замять дело, не заплатив ни копейки? Размечтались! Такого не бывает.

Оппоненты просто полагались на то, что обе семьи связаны финансовыми интересами. Они были уверены, что семья Тань замнёт конфликт и пойдёт на уступки. В прошлом все влиятельные дома поступали именно так. Это было негласное правило их круга.

Но на их беду они столкнулись с твердолобым Тань Юмином. Он твёрдо заявил:

— Если семье Цзэн так дорог этот «верный сын и почтительный внук», то пусть терпят насмешки и оскорбления! Пусть терпят обвал акций! Пусть терпят уничтожение своей репутации!

— А если не выдержат, пусть заставят виновника публично извиняться! Пусть весь остров увидит, как он, поджав хвост, заискивает перед сильными и отыгрывается на слабых!

Тань Чуншань был поражён. В отличие от него, его отца, деда и всей семьи Тань, чьи традиции и стиль ведения бизнеса основывались на стабильности и конфуцианской этике, Тань Юмин был смелым, радикальным и шёл наперекор правилам.

И откуда в нём только взялась эта дерзость и смелость, чтобы бросить вызов угрозам семьи

Цзэн и нарушить негласные законы общества?

Тань Чуншань не знал, хороши ли такие решимость и категоричность. Он лишь внезапно понял, что небо, которое он когда-то воздвиг для своего ребёнка, стало слишком низким.

Человек с таким кругозором и характером был рождён, чтобы летать в более широких и высоких небесах. Но кто, кроме родителей, сможет защитить его и быть рядом во время этого штормового плавания?

Лицо Тань Юмина выражало твёрдость и полное бесстрашие:

— Возможно, вы думаете, что я поддался эмоциям и пожертвовал общей картиной ради одного человека. Но я сделал это не ради старшей сестры... Точнее, не только ради неё. Я сделал это для каждого в нашей семье.

Все эти устаревшие, прогнившие догмы давно пора выбросить на помойку. Тань Юмину было лень об этом спорить. Он старался говорить как можно вежливее, не срывая гнилую оболочку:

— Только защищая интересы каждого конкретного члена семьи Тань, мы по-настоящему защищаем саму семью.

Потому что однажды любой из них может оказаться на месте жертвы. Защищать реальную человеческую личность и её достоинство — это важнее, практичнее и человечнее, чем оберегать эту фальшивую, призрачную иллюзию, называемую «честью семьи».

— Папа, — тихо произнёс Тань Юмин, но его слова прозвучали тяжело, как свинец. — Наша семья ведь не чета семье Се, правда?

Сердце Тань Чуншаня дрогнуло. Неизвестно, был ли он убеждён, но он всё же холодно спросил:

— Даже если у тебя тысяча причин, семья Цзэн — официальный соорганизатор Морской торговой выставки.

Прошли открытые торги, все процедуры соблюдены, подписаны документы. Как говорится, не хочешь смотреть на монаха, так хоть из уважения к Будде.

— Ты устроил всё это в такой критический момент. Кому ты дал пощёчину? Я уж молчу про общественное мнение. Как ты будешь управлять процессом во время грядущей серии выставок? Ты действуешь, не оставляя путей к отступлению. Отношения испорчены вкрай. Думаешь, семья Цзэн теперь будет послушно работать? Сможешь ли ты управлять их партнёрами и поставщиками?

Тань Юмин холодно усмехнулся:

— Думаешь, я позволю им и дальше хлебать из нашей миски?

Тань Чуншань резко нахмурился. Гнев снова вспыхнул в его сердце:

— Тань Юмин! Что ты ещё задумал?

Личные счёты — это одно. Но на Морской выставке переплеталось множество интересов, и у семьи Цзэн была своя огромная коалиция. Тань Юмин решил одним махом разворошить всё осиное гнездо, не оставляя себе шансов на отступление.

Ему ещё нет и тридцати, власть не закреплена, а он уже так обнаглел. Тань Чуншань решил осадить этого демона и сурово предупредил:

— Вижу, мы тебя с детства слишком баловали. Не думай, что «Пинхай» может диктовать свои условия всему городу. Что ты о себе возомнил, а? Тань Юмин, ты хочешь просто выкинуть их из игры?

Тань Юмин понимал по-хорошему, но не терпел давления. Пока Тань Чуншань говорил разумно, он отвечал тем же. Но стоило на него накричать, как он упрямо закричал в трубку:

— А вот тут вы в самую точку! Я собираюсь наказать одного, чтобы преподать урок всем остальным!

— Прошло столько времени, а их семья хоть раз извинилась перед старшей сестрой? Хоть как-то проявила позицию? Если цена за оскорбление семьи Тань будет такой низкой, то завтра каждый начнёт вытирать о нас ноги! Допустимо ли это?

Это было как масло в огонь. Тань Чуншань от этих безумных аргументов лишился дара речи. У него разболелась голова, он разозлился:

— Ты...

Тань Юмин собирался продолжить, но тут кто-то ловко выхватил телефон у него из рук. Он на секунду опешил, а потом потянулся, чтобы забрать аппарат.

Шэнь Цзуннянь, одной рукой усмиряя его, произнёс в трубку:

— Дядя Тань, это я.

Тань Юмин встал на цыпочки, но Шэнь Цзуннянь был высоким, и его большие ладони крепко обхватили оба запястья Тань Юмина, сковав их, словно цепями. Он ровным голосом сказал:

— Историю про Цзэн Шаохуэя слил я.

— Я лично утверждал фотографии, заголовки, текст и время публикации. Это было непродуманное решение, и я прошу прощения.

Но в его голосе не было ни капли раскаяния:

— Вы с тётушкой Гуань можете сказать семье Цзэн, что ничего не знали, и свалить всё на меня.

Тань Чуншань отругал приёмного сына наравне с родным:

— Хватит строить из себя героев и брать вину на себя! Какая разница, ты это сделал или он? Он творит дичь, а ты ему потакаешь, а? Что, вам кажется, мало проблем? Решили ещё и «Хуаньту» приплести?!

Тань Чуншань долго размышлял. Они с Гуань Кэчжи вроде бы не баловали Тань Юмина. Как же из него вырос такой дерзкий и неуправляемый мальчишка? И тут он вспомнил: у этого парня ведь есть личный телохранитель, его каменная стена. С самого детства он опекал и защищал его.

В нынешнем характере Тань Юмина была вина родителей процентов на тридцать, а на оставшиеся семьдесят виноват его старший брат Шэнь Цзуннянь:

— Шэнь Цзуннянь, продолжай потакать ему! А когда он в следующий раз продырявит небо, сам же и будешь его штопать!

Услышав это, Тань Юмин снова вскипел. Ладно бы ругали только его, но за что ругать Шэнь Цзунняня? Он тут же рванулся отбирать телефон, чтобы устроить с Тань Чуншанем словесный поединок.

Шэнь Цзуннянь прижал его к своей груди. Зажатый в стальных объятиях, Тань Юмин напоминал разозлённого больного кота: шипит, брыкается, а толку никакого.

Шэнь Цзунняня несколько не задело, что Тань Чуншань назвал его полным именем. Это значило, что он отчитывал его, как родного сына. Если бы он говорил вежливо, это свидетельствовало бы об отчуждённости.

Он крепко держал Тань Юмина, не давая ему дёргаться, и поглаживал по плечу, успокаивая.

Сам же он признал ошибку:

— Дядя Тань, не переживайте. Пожалуйста, не сердитесь и будьте спокойны. Мы всё быстро уладим. Мы не поставим вас с тётушкой Гуань в неловкое положение.

<http://bllate.org/book/17117/1614154>